

9 февр. - с 7.

- В «Детях понедельника», по-моему, ты не очень хотел играть этакого твердолобого супермена...

— Спорить с двумя женщинами (Аллой Суриковой, режиссером фильма, и Ириной Розановой, главной героиней. — Е.К.) практически невозможно, если они считают, что любовь должна проявляться у мужчин именно так, а не иначе. Но я-то знаю, что мой герой при всем своем разгильдяйстве более открытый и незащищенный, более искренний, чем хотя бы его видеть женщины. Им нужен Бельмондо!!! Но я-то не Бельмондо...

- И как же ты выходишь из положения?

— Ищу компромисс. Ведь зрители должны увидеть не просто Игоря Скляра, а полноценного героя с его переживаниями и внутренним миром. Я люблю, когда играется от души. А кроме того, получаю удовольствие, когда образ рождается в полемике. Это не может не заводить. Что-то же должно из этих чувств передаться на экран?

- Сейчас ты много снимаешься, но до этого был долгий перерыв. В чем дело?

— У нас какие-то странные дела в кинематографе: актера не хотят эксплуатировать по максимуму его возможностей. Даже Голливуд себе такой роскоши не позволяет. Если уж, к примеру, сделали ставку на Тома Круза, то из него и выжмут все до капли. У нас же начинают склоняться к повторам однажды найденного образа. Мне этого не хочется, и я отказываюсь. Мне кажется, что Игоря Скляра не раскрутили. И вообще я — фаталист. Когда Додин не отпустил меня на главную роль у Карена Шахназарова в «Зимнем вечере в Гаграх», я понял, что с судьбой не поспоришь.

- Додин ревновал к твоим успехам?

— Конечно. Когда Карен, испробовав все средства заполучить меня на съемку, решил поднажать сверху через папу — советника Горбачева, я понял, что песенка моя спета. Додин вызвал меня на ковер и заорал, топоча ногами, что я могу убраться на все четыре стороны, если хочу сниматься и зарабатывать деньги. Теперь-то он сам знает, что такое деньги...

- Что же тебя остановило? Может, это был твой звездный час...

— Знаешь, Лен, я вот маму схоронил и понял, что больше от жизни, чем самой жизни, хотеть невозможно. Все остальные желания, стремления — они в наших руках. А жизнь хороша и прекрасна тем, что она — жизнь. Но если предоставляется судьбой шанс что-то сделать, нужно быть к этому готовым. Чтобы удача, которая падает в руки, не упала мимо. А что касается звездного часа, то, знаешь, я иногда сам себе завидую. Потому что жизнь и судьба подкидывали мне удачи больше, чем, может быть, многим другим актерам.

- О боже! Ты тщеславен?

— Нет, но хамства и неуважения к себе не терплю.

- Поэтому уходишь из театра Додина?!

— Не из театра, а от режиссера. Когда мы начинали пятнадцать лет назад, все были бессребрениками. Но театроведы не даром утверждают, что полноценная творческая жизнь театра при одном режиссере не превышает двух десятков лет. Потом наступает кризис: психологический, моральный, творческий. Не берусь судить о последнем, но терпеть рабование — не уважать себя. Малый драматический — один из самых популярных на Западе российских театров. Актеры в поте лица зарабатывают валюту для театра. С утра до ночи живут в нем. Но, приходя за зарплатой, неожиданно узнают, что еще... должны театру за квартиру, коммунальные услуги и т.д. и т.п. Мы годами играем одни и те же спектакли. Мне не нравится, что в примерках и кулуарах актеры шепчутся об одном, а перед режиссером заискивают. Мне в таких условиях невыносимо. Режиссер давит людей, а потом удивляется: «Ну что же ты? Встань! Распрямись!» Я понимаю, что актерская профессия, особенно для мужчины, не из самых приятных. Особенно если режиссер — собственник и тиран. Но... не хочу.

- Игорь, что уберегает тебя от пафосного к себе отношения?

— Не боюсь показаться некрасивым. В каждом человеке есть и смешное, и трагическое, и глупое. Если бы мы могли видеть себя со стороны, то обнаружили бы массу недостатков.

- Не веришь в положительного героя?

— Не верю. Когда человек хочет казаться только положительным, меня это сильно настораживает. Мы же не боги. Мы лишь созданы по образу и подобию.

Игорь Скляр буквально ворвался в российское кино вместе с фильмом «Мы из джаза» и мгновенно стал всенародным любимцем. Потом он спел «На недельку до второго», окончательно завоевав сердца сограждан, и... практически перестал сниматься. Теперь Игорь все-таки вернулся в кино. В очередном хите Аллы Суриковой он сыграл главного героя, молодого «нового русского», пытающегося разобраться, кто он, где он и зачем. И хотя Игорь Скляр по-прежнему выглядит юным мальчиком, он стал совсем другим. Не менее искренним, не менее порывистым, не менее талантливым, но — повзрослевшим.

Игорь СКЛЯР:

Я НЕ

Елена КАРАКОЛЕВА

БЕЛЬМОНДО!

- Чувствуешь себя крутым профессионалом?

— Уверенность в себе, которая превращается в самоуверенность, — это смертельно. Жизнь артиста как велосипед — надо постоянно крутить педали, иначе упадешь и разобьешься.

- А как ты попал в кино?

— Я приехал в Москву с приятелем на зимние каникулы и много времени проводил в метро. Там-то меня и увидела ассистент режиссера со студии Горького Надежда Владимировна Сорокоумова. Ей, правда, еще пришлось за мной долго гоняться по метро, потому что я решил, что она из детской комнаты милиции, о которой у меня по Курску уже были кое-какие представления.

- Ты прямо как Машков. В кино — через детскую комнату милиции. А в армию-то ты как загремел, будучи без пяти минут звездой?

— Из-за любви к шахматам.

- То есть?

— Мой отец, страстный шахматист, обыграл на городском турнире военкома. Военком обиделся. Я попал в учебную разведшколу где-то в лесу под Горьким. Там нас учили расшифровывать аэрофотосъемку. Но шпионом сделаться не успел, потому что меня перевели в кавалерийский полк под Москвой.

- В тот, который создали для обеспечения кавалерией батальных съемок «Войны и мира»?

— Ну да. Там много кинематографических детей укрепляло свой боевой дух.

- Так вот почему ты так хорошо едешь верхом...

— Да, у меня спортивный разряд по коню. Лошади — моя страсть. Умные, благородные творения природы. Это тебе не люди.

- Да ты обидчивый.

— Раньше обижался, когда несправедливо относились. Теперь понял — пустое.

- Актер вообще субстанция тонкая, ранимая. В детстве ты был, наверное, очень впечатлительным ребенком.

— В детстве я боялся смерти. Это была тайна, которая пугала.

- А еще ты был романтичным, влюбчивым мальчиком.

— В общем-то я и сейчас...

- Расскажи о своей первой любви. Чем Она тебя привлекла?

— Первая любовь была старше меня года на четыре. Я учился в музыкальной школе, мне было лет пять. Как-то она зашла на мой урок и заговорила с учителем. А я стоял за пианино, смотрел на нее и очень хотел писать. Так и достоялся, что надул в штаны.

- А как это ты с Де Ниро на короткой ноге общался?

— Это было во время озвучения на картине «Анна Павлова» на «Мосфильме». По договоренности с американским продюсером для проката в США необходимо было участие американской звезды. Роберт поразил меня удивительной естественностью реакций. Долго и увлекательно рассказывал, как он готовился к роли. Актеру требовалось поправиться на 30 кг! Роберт поедал огромное количество булочек со сливками, запивая их пивом. Но самое страшное случилось потом, когда надо было убирать лишний вес. Де Ниро голодал сутками, сидел на капусте, плавал в бассейне часами, дважды его отвозила «неотложка» в реанимацию. Вот это профессионал! Назови мне хотя бы десяток наших актеров, кого можно без опасения показать раздетым?

- Значит, твои кумиры — все на Западе?

— Нет, почему... Когда-то я был просто влюблен в Петра Мартыновича Алейникова. В студенческие годы пытался даже копировать его «московский разговор». Но потом понял, что каждый человек тем и прекрасен, что неповторим. Если актер не тупой, то должен понять: если не происходит дальнейшего его роста как личности, то зрителю с ним неинтересно. Интересно переживать свои собственные чувства и уметь передавать их другому в зале или с экрана.

Фото Анатолия ГОМОНОВА